

Дубровская Т. В. Научные парадигмы в современной отечественной и зарубежной лингвистике : сущность, динамика, философские основания / Т. В. Дубровская // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 73—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87.

Dubrovskaya, T. V. (2019). Paradigms in Modern Russian and Foreign Linguistics: Nature, Dynamics, and Philosophical Grounds. *Nauchnyi dialog*, 9: 73-87. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87. (In Russ.).

УДК 81-11+001.5:81

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-73-87

НАУЧНЫЕ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: СУЩНОСТЬ, ДИНАМИКА, ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

© Дубровская Татьяна Викторовна (2019), orcid.org/0000-0003-0044-6056, SPIN 2051-9874, ResearcherID P-5645-2015, Scopus Author ID 55520948200, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Английский язык», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Пенза, Россия), gynergy74@gmail.com.

Автор статьи обращается к категории научной парадигмы, введенной Т. Куном, систематизирует и обобщает основные положения работ отечественных и зарубежных ученых, выявляет наиболее общие тенденции в понимании парадигмы в современном гуманитарном знании и, в частности, в лингвистике. Показано, что категория парадигмы по-прежнему популярна, но претерпела некоторые изменения. Представленный обзор позволяет утверждать, что категоричность в толковании парадигм как несовместимых моделей постановки исследовательских проблем и способов их решить сменяется более гибкими утверждениями о большей или меньшей актуальности той или иной парадигмы в текущий период. Отмечается, что ученые признают возможность возврата к старым проблемам и решения их на более высоком уровне, обращают внимание на формирование своего рода универсальной парадигмы, объединяющей разные направления и углы зрения в исследовании языка. Автор характеризует парадигмальные споры в западной научной методологии как выстраиваемые на основе разных философских подходов к знанию (принятия или отрицания возможности постичь объективную истину). Показано, что результатом методологического компромисса в западных исследованиях стали принцип совместимости, концепция смешанных методов и сочетание количественных и качественных методик в гуманитарных науках, в том числе, лингвистике.

Ключевые слова: научная парадигма; лингвистика; смена парадигм; метод; анализ; количественный; качественный; позитивизм; конструктивизм.

1. Введение

Научная парадигма не раз становилась предметом обсуждения в работах современных лингвистов, и интерес к этому глубоко теоретическому

вопросу объясним: понимание парадигмы, смыслового наполнения данной категории, принципов трансформации научных парадигм не только даёт исследователю исходную точку в научном поиске, но и в значительной мере определяет путь, по которому научный поиск идёт.

Понятие «парадигма» в его широком методологическом понимании было введено Томасом Куном, американским физиком и философом, в труде «The Structure of Scientific Revolutions», опубликованном в 1962 году и представленном читателю в расширенной версии в 1970 году [Kuhn, 1970]. С тех пор этот труд стал основополагающим при обсуждении развития науки. Автор статьи, посвященной 50-летию выхода книги, в британской газете «The Guardian» пишет о необыкновенной популярности произведения и, в частности, введенного Т. Куном понятия «paradigm shift» («парадигмальный сдвиг»): «Поиск Гуглом, к примеру, даёт 10 миллионов результатов. И в настоящий момент на Амазоне продаётся не менее 18 300 изданий, содержащих это понятие. Книга является одной из самых цитируемых книг всех времен» [Thomas Kuhn ..., 2012].¹

Цель настоящей статьи состоит в систематизации, обобщении работ отечественных и зарубежных ученых, теоретически осмысляющих научные парадигмы в лингвистике, и выявлении основных тенденций толкования парадигм в современном гуманитарном знании. В соответствующих разделах мы кратко выделим основные положения, выдвигаемые в работе Т. Куна, обратимся к смысловому наполнению категории «парадигма» в лингвистических трудах, рассмотрим основные точки зрения на смены научных парадигм в лингвистике, охарактеризуем парадигмальные споры в западной научной методологии.

2. «Парадигма» в концепции Т. Куна

Предлагая определение парадигмы, Т. Кун пишет: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун, 2008, с. 17]. Т. Кун утверждает, что мирное сосуществование двух парадигм в науке встречается крайне редко, поскольку фундаментальные новшества неизбежно разрушают прежние общепринятые установки. В этом смысле Т. Кун противопоставляет *нормальную науку (normal science)* и *фундаментальные новшества, или экстраординарную науку (extraordinary science)*. Под нормальной наукой он понимает «исследование, прочно опирающееся на одно или не-

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. — Т. Д.

сколько прошлых научных достижений — достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его практической деятельности» [Там же, с. 22]. Как правило, эти достижения изложены в классических трудах и учебниках, и, таким образом, они определяют для последующих поколений правомерность проблем и методов исследования, совокупности которых образуют модели научного исследования. Такая преемственность способствует тому, что научная деятельность строится в рамках существующей парадигмы, а открытия не противоречат устоявшимся фундаментальным принципам. Цель нормальной науки, по убеждению Т. Куна, не состоит в предсказании новых явлений или создании новых теорий. Наоборот, изучаются явления, существование которых парадигма заведомо предполагает [Там же, с. 26].

Экстраординарная наука и нетрадиционные исследования начинаются с того, что какая-то проблема продолжительное время не может быть решена посредством известных правил и процедур. Для обозначения таких методологических тупиков Т. Кун использует термин *anomaly* (аномалия): «Когда <...> аномалия становится больше, чем просто одной из исследовательских загадок, начинается переход к кризису и экстраординарной науке. Аномалия признается все большим числом специалистов <...> Если так и не находится её решения, для многих она становится предметом исследования в рамках дисциплины» [Kuhn, 1970, p. 82]. В результате складывается новая система установок и новая основа научных исследований.

Т. Кун перечисляет признаки перехода к новой парадигме: «Резкое увеличение альтернативных суждений, желание пробовать новые пути, явное выражение неудовлетворенности, обращение к философии и споры о базовых постулатах — всё это симптомы перехода от нормальной науки к экстраординарной» [Ibid., p. 91]. Важно отметить, что для Т. Куна выход на принципиально новый уровень научного познания не является результатом накопительного эффекта: «Научные революции рассматриваются в работе как эпизоды несомкнутого развития, когда старая парадигма вытесняется полностью или частично несовместимой с ней новой» [Ibid., p. 92].

Таким образом, согласно Т. Куну, научная парадигма — это комплекс положений и модель для постановки научных проблем, который определяет развитие науки в данный период и который впоследствии заменяется новыми принципами и установками научных исследований.

3. Парадигмы в лингвистике: динамический аспект

Осветив основные положения, касающиеся понимания парадигмы и смены научных парадигм в целом, обратимся к научным парадигмам

в лингвистике. Вопрос о свойствах научных парадигм в языкознании и их смене становился предметом рассмотрения многих лингвистов, чьи точки зрения мы обобщаем далее. Польский исследователь А. Киклевич трактует лингвистические парадигмы как «альтернативные, конкурирующие друг с другом типы профилирования языка, а особенно языкового знака» [Kiklewicz, 2012, с. 122]. Ученый считает, что каждой лингвистической парадигме присуще специфическое понимание языка, его основных свойств и описываемых аспектов.

Думаем, что такое специфическое понимание языка можно назвать гносеологической концепцией, которая и определяет взаимосвязи между разными элементами парадигмы. Е. С. Кубрякова пишет об архитектонике парадигмы и выделяет в ней три взаимосвязанных звена, которые не должны вступать в противоречие друг с другом: установочно-предпосылочное (установки, уже имеющиеся сведения о языке; представления о целях и задачах науки для сообщества); предметно-познавательное (непосредственная область анализа: объекты, единицы, направление анализа); процедурное (область выбираемых методик) [Кубрякова, 2008, с. 49—52]. (Проблему несоответствия разных звеньев парадигмы друг другу и последствия такого несоответствия мы обсуждали подробно в одной из работ [Дубровская, 2019].)

Обсуждая смену парадигм, исследователи сходятся в том, что «меняются идеи, методы, а зачастую и области исследований» [Алпатов, 2019, с. 5], но мнения относительно характера методологических изменений в лингвистических штудиях разнятся.

Ряд лингвистов признают фактически происходящую смену парадигм в лингвистике. Так, Р. М. Фрумкина пишет о практически полной смене парадигмы лингвистики в течение 40 лет (с 50-х по 90-е годы XX столетия): «Изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования. Кардинально изменился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, не говоря уже о частных моделях. Появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания» [Фрумкина, 2008, с. 42]. Одним из следствий таких изменений исследовательница называет многопредметность современной лингвистики в отличие от лингвистики конца XIX века.

Множественность методологических и концептуальных направлений в гуманитарных науках в целом (не только в лингвистике) отмечает Т. Н. Хомутова. Она пишет: «Подобная множественность вызвана объективными причинами, прежде всего, сложным объектом исследования (человек, язык, общество, культура и т. д.), не предполагающим однозначного толкования. <...> В силу этого понятие парадигмы гуманитарного знания

не может быть столь закрытым, как понятие парадигмы естественного знания, и должно учитывать объективную множественность» [Хомутова, 2009, с. 144]. При этом в выводах к своему исследованию Т. Н. Хомутова эксплицитно утверждает, что лингвистика полипарадигмальна.

Таким образом, многопредметность современной лингвистики и принципиальная множественность ее методологических и концептуальных направлений позволяют исследователям говорить о сосуществовании в ней исследовательских парадигм. Представляется, однако, что утверждение о парадигмальном сдвиге в современной лингвистике вступает в противоречие с тезисом о полипарадигмальном статусе современной лингвистики, выдвинутом Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 2008, с. 59] и активно подхваченным научным сообществом, см., например: [Сабитова, 2012].

Кроме того, встают следующие вопросы. Если в рамках лингвистики возможно неконфликтное сосуществование парадигм, то как этот факт соотносится с утверждением Т. Куна о принципиальной несовместимости парадигм? Вспомним, что Т. Кун связывал парадигму с самими способами общественной организации: «Подобно выбору между конкурирующими политическими институтами, выбор между конкурирующими парадигмами оказывается выбором между *несовместимыми* способами общественной жизни» (курсив наш. — Т. Д.) [Kuhn, 1970, p. 94]. Иными словами, научная парадигма — конструкт, производный от структуры общества. Являются ли сосуществующие в лингвистике парадигмы на самом деле настолько принципиально различными в понимании языка, что их действительно можно именовать парадигмами в куновском понимании?

В поисках ответов на эти вопросы обратимся к позиции В. М. Алпатов, который, как нам представляется, занимает достаточно умеренную позицию в утверждении смены парадигм в лингвистике. Сравнивая языкознание с другими эмпирическими науками, В. М. Алпатов отмечает, что в других науках в течение веков менялись представления об их предмете, задачах и целях, тогда как для лингвистики характерна устойчивость в понимании языка, выделении основных изучаемых областей языка (включая фонетику, морфологию, синтаксис), использовании многих основных понятий и терминов [Алпатов, 2015, с. 8]. Допуская, что «наука о языке уже давно не сводится к обслуживанию практических потребностей вроде обучения языку и поддержания языковой нормы» и «лингвистика развивается в первую очередь как “чистая” наука, сама по себе независимая от практики», В. М. Алпатов, однако, убежден, что «появление новых задач не отменяет старые» [Там же]. Приводя примеры современных концепций, восходящих к античности и средневековью или уточняющих традиционные подходы, ученый

приходит к выводу о том, что «развитие науки о языке идет на основе непрерывного развития античной традиции» [Там же, с. 9]. При этом «старые парадигмы продолжают существовать, хотя могут отойти на периферию науки, а новые парадигмы нередко вновь на более высоком уровне поднимают вопросы, уже когда-то рассматривавшиеся» [Алпатов, 2019, с. 5].

Говоря о возврате лингвистики к уже поставленным вопросам, можно также процитировать во многом похожую точку зрения М. Ю. Федосюка, который пишет о лингвистической моде и частой смене лингвистических объектов, в результате чего объект остается недостаточно исследованным [Федосюк, 2015, с. 50]. В качестве примеров таких «недоисследованных» объектов М. Ю. Федосюк приводит актуальное членение предложения и речевые жанры. Интересен и тот факт, что возможную методологическую концепцию XXI века, обозначаемую как системный подход к языку, ученый видит в прошлом — в наследии В. фон Гумбольдта.

Таким образом, понятие парадигмы применяется в современной лингвистике не столько в смысле несовместимых концепций, сколько в значении приобретающих большую или меньшую актуальность способов исследования языка, охватывающих как теоретические воззрения, так и связанные с ними методы.

4. Сколько парадигм в лингвистике?

Изучение литературы о лингвистических парадигмах показывает, что вопрос об их количестве остается нерешенным и, вероятно, не может быть решён, поскольку за основу выделения берутся разные принципы. Т. Н. Хомутова пишет, что традиционно выделяются три научные парадигмы: сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая [Хомутова, 2009, с. 144]. Такая классификация парадигм удобна тем, что отражает их актуальность в хронологической последовательности, а имена парадигм содержат указания на их основные методологические принципы.

Данный подход, однако, не является единственным. Ю. Н. Караулов намечает в истории языкознания четыре парадигмы: историческую, психологическую, системно-структурную и социальную [Караулов, 2006, с. 14]. Хронологический фактор при выделении этих парадигм играет второстепенную роль, поскольку «речь идет о смене друг другом периодов с довольно нечеткими, размытыми границами, периодов, характеризующихся только превалированием какой-то одной идеи, которая приобретает тем самым статус парадигмальной, парадигмообразующей» [Там же, с. 15]. Более важным ученому представляется взаимодействие ключевых парадигмальных идей, благодаря которому сложились современные пред-

ставления о языке, охватывающие исторически обусловленный характер развития языка, его психическую природу, системно-структурные основы и социально обусловленный характер использования [Там же].

В. М. Алпатов отмечает существование пяти парадигм. Помимо основных для текущего этапа развития лингвистики формальной и функциональной парадигм, учёный отмечает и утратившие былое значение сравнительно-историческую, филолого-лингвистическую и структурную парадигмы [Алпатов, 2019, с. 5].

Созвучные идеи находим у зарубежных исследователей, которые, однако, используют понятие парадигмы в дискуссиях более широкого философского плана (об этом подробнее мы пишем в разделе 5 настоящей статьи), а к современным лингвистическим исследованиям применяют понятие «mainstream approach» («ключевое направление») и выделяют три таких направления: структурализм, функционализм и генеративизм [The Routledge ..., 2010, p. xxx].

С опорой на параметризацию языкового знака как сложного функционального объекта и концепцию принципа оптимальности (конфигурация отношений между аспектами знака с целью оптимального взаимодействия языка и внешней среды) А. Киклевич выделяет шесть парадигм: 1) традиционная формальная — профилирование формы языковых единиц; 2) семасиологическая (психологическая) — профилирование закодированной в системе языка понятийной системы; 3) ономасиологическая — профилирование номинативного аспекта содержания языковых знаков; 4) структурная — профилирование структуры языка, то есть парадигматических и синтагматических отношений между его единицами разного формата; 5) постструктурная (антропологическая) — профилирование контекста языковой системы; 6) парадигма универсализма — профилирование принципа оптимальности [Kiklewicz, 2012, p. 126—127].

Думаем, что идея универсалистской парадигмы А. Киклевича о необходимом междисциплинарном характере изучения языка и объединении всех аспектов языка в рамках общей концепции в значительной мере отражает общие (и не совсем новые) настроения лингвистического сообщества. Достаточно вспомнить уже упоминавшийся выше системный подход к языку на основе идей В. фон Гумбольдта, предлагаемый М. Ю. Федосюком, а также рассуждения Ю. Н. Караулова о введении в лингвистическую парадигму человеческого фактора как «фактора, интегрирующего разрозненные, далеко расходящиеся интересы и результаты исследовательской практики, вводящего их в русло единой лингвистической парадигмы» [Караулов, 2006, с. 25].

5. Парадигмальные споры в западной научной методологии

Интересно заметить, что обсуждение бытующих в западной лингвистике парадигм строится в ином ключе по сравнению с отечественной дискуссией. Дебаты на Западе происходят в более широком философском контексте, прежде всего в контексте противопоставления двух философских концепций, позитивизма и конструктивизма, и вокруг категории объективной правды: «С точки зрения позитивизма, реальность существует независимо от мышления исследователя и получает объективное представление без вмешательства ценностей и чувств исследователя. С другой стороны и с точки зрения конструктивистов (интерпретационистов), любое объяснение реальности опосредовано восприятием и опытом исследователя, и поэтому оно субъективно» [Riazi, 2016, p. 218]. (Справедливости ради отметим, что некоторые отечественные ученые пишут о позитивизме в лингвистике и отрицательных характеристиках этой философской основы. См., например, [Федосюк, 2015; Kravchenko, 2015]. Однако говорить о масштабном парадигмальном споре между позитивизмом и конструктивизмом в отечественном контексте не приходится.)

Как можно видеть, в основе различия парадигм лежит общеполитический принцип подхода к знанию: допущение / недопущение существования объективной реальности, независимой от взгляда ученого-интерпретатора.

Кроме того, существенным для различия парадигм является противопоставление абсолютизма и релятивизма, представляющих разные картины мира: «С точки зрения абсолютизма, физический и социальный мир формируются многими естественными законами, что приводит к неизменным истинам. С другой стороны, согласно релятивистским представлениям, нет существенного различия между знанием и мнением. Знание это вариант мнения, ограниченный индивидуальными и социокультурными нормами, и поэтому оно меняется в зависимости от времени и места» [Riazi, 2016, p. 3].

Спор между позитивизмом и конструкционизмом, абсолютистским и релятивистским подходами вылился в методологическое противостояние количественных и качественных методов. Существование объективной реальности и возможность получения объективного знания связываются с количественными исследованиями (quantitative research), тогда как в основе качественных исследований (qualitative research) лежат иные допущения и принципы: допущение многочисленных субъективных реальностей, признание роли ценностных систем исследователя и участников, изучение социальных явлений без манипулирования ими и осу-

ществления какого-либо контроля, использование качественных данных и нестатистического анализа [Ibid., p. 256].

Автор энциклопедии исследовательских методов в прикладной лингвистике отмечает конфликт между количественными и качественными исследованиями, обозначаемый как «парадигмальные войны» (paradigm wars). Суть парадигмальных войн получила выражение в «тезисе несовместимости» (incompatibility thesis), согласно которому парадигмы (позитивистская и конструктивистская, количественная и качественная) находятся в постоянной конкуренции, и та или другая берет верх в конкретный момент времени. Таким образом, тезис несовместимости продвигает принцип «или-или» [Ibid., p. 138].

К. Р. Хау, объясняя позицию сторонников принципа несовместимости, пишет: «Позитивистская и интерпретационистская парадигмы несовместимы. Позитивистская парадигма поддерживает количественные методы, а интерпретационистская — качественные. Следовательно, несмотря на видимые результаты в ходе исследований, количественные и качественные методы несовместимы» [Howe, 1988, p. 13].

Иными словами, согласно принципу несовместимости, в одном исследовании не могут одновременно использоваться качественные и количественные методы. При этом очевидно, что такое утверждение вытекает из более общей методологической предпосылки о количественных и качественных методах как инструментах разных парадигм с разными теоретическими допущениями об объекте исследования и его онтологических свойствах.

Как отмечает Н. Л. Гейдж, пик парадигмальных войн пришелся на 1980-е годы [Gage, 1989], но с тех пор борьба парадигм сменилась их диалогом и методологическим дуализмом. В конце 1980-х годов появляются работы, опровергающие принцип несовместимости, в том числе и на том основании, что применение количественных методов, предполагающих объективность полученных результатов, в любом случае допускает долю субъективного: «Подойти к подбору статистических методов можно, только вынося многочисленные суждения о том, что считается валидным измерением исследуемых переменных, какие переменные могут исказить сравнения и какие статистические тесты целесообразны. Соответственно, результаты данного статистического анализа достоверны, только если достоверны базовые допущения и аргументы, которые не корректируются механистически. Кроме того, даже в высокой степени количественное исследование требует, чтобы контекст вразумительно объяснялся какой-то нарративной («качественной») историей событий» [Howe, 1988, p. 12].

Получило развитие представление об исследовании как некотором континууме, позволяющем исследователю комбинировать характеристики обоих подходов (качественного и количественного). Такое понимание привело к появлению категории «mixed-method research» (исследование смешанными методами), легитимации комбинирования качественных и количественных подходов и сокращению методологического разрыва [Riazi, 2016, p. 138; Howe, 2003].

В лингвистике ведется дискуссия об ограниченных возможностях количественных методов и необходимой комбинации их с методами качественного анализа. Норвежская исследовательница Л. Янда пишет о применении количественного анализа в лингвистике следующее: «Подсчет количественных данных и их обработка с помощью статистических тестов не гарантируют того, что мы получим осмысленные результаты. Прекрасно иметь большие объемы данных и хитроумные инструменты обработки, но так же важно формулировать теоретически важные исследовательские вопросы» [Janda, 2016, p. 128].

В настоящее время совмещение качественных и количественных методов достаточно типично для исследований такого направления, как дискурс-анализ. Н. Фэрклаф, один из основоположников критического дискурс-анализа, пишет, что такой вид исследования может осуществляться разными методиками, причем «качественный анализ может быть с пользой дополнен количественным» [Fairclough, 2004, p. 6]. Ученый не видит препятствий для комбинации качественных и количественных методик при изучении лингвистического материала.

Обращение к англоязычным работам последних лет по дискурс-анализу показывает, что количественные методики исследования речевого материала весьма востребованы, к примеру, в такой междисциплинарной сфере, как юрлингвистика. Применяются методика подсчета лексической плотности [Bloor et al., 2007, pp. 169—171], процентные подсчеты [Al Saeed, 2018] и корпусный анализ судебной коммуникации [Johnson, 2018]. В то же время количественные данные всегда интерпретируются с точки зрения исследовательских задач и дополняются качественным анализом ситуативного и социального контекстов, властных отношений, других прагматических факторов.

6. Заключение

Пытаясь выявить наиболее общие тенденции понимания парадигмы в современной лингвистике, мы приходим к выводу, что категория парадигмы, введенная Т. Куном в методологию науки, по-прежнему популяр-

на, хотя и претерпела некоторые изменения. Категоричность в толковании парадигм как абсолютно несовместимых моделей постановки исследовательских проблем и способов их решить уступает место более гибким утверждениям о большей или меньшей актуальности той или иной парадигмы в текущий период, о возможности переосмыслить старые теории, вернуться к ранее поставленным проблемам и решить их на более высоком уровне. Лингвисты обращают внимание на формирование своего рода универсальной парадигмы, объединяющей разные направления языкознания и подходы к анализу языка, и фактически происходящее расширение границ лингвистики. Относительное «примирение» разнонаправленных тенденций наблюдается и в западной научной методологии, где парадигмальные споры велись на основе общефилософского подхода к знанию (принятия или отрицания возможности постичь объективную истину). Следствиями методологического компромисса стали принцип совместимости, концепция смешанных методов и сочетание количественных и качественных методик в гуманитарных науках, в том числе в лингвистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Функциональная лингвистика : новое и возврат к традициям / В. М. Алпатов // Современные направления в лингвистике и преподавании языков : проблема метода : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции : в 2 т. / под общ. ред. Т. В. Дубровской. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. — Т. I. Методы в лингвистике. — С. 5—9.
2. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. — 2015. — № 3. — С. 7—21.
3. Дубровская Т. В. «А был ли метод?» : о принципах и категориях современного дискурс-анализа / Т. В. Дубровская // Современные направления в лингвистике и преподавании языков : проблема метода : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции : в 2 т. / под общ. ред. Т. В. Дубровской. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. — Т. I. Методы в лингвистике. — С. 9—15.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : КомКнига, 2006. — 264 с.
5. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун // Актуальные проблемы современной лингвистики : учебное пособие / составитель Л. Н. Чурилина. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — С. 17—41.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики : учебное пособие / составитель Л. Н. Чурилина. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — С. 46—59.
7. Сабитова З. К. Новые лингвистические направления XX—XXI вв. / З. К. Сабитова // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века / под редакцией Д. Шумской. — Краков : Издательство Ягеллонского университета, 2012. — Выпуск 1. — С. 347—360.

8. Федосюк М. Ю. Концепция В. фон Гумбольдта как возможная основа лингвистики XX века / М. Ю. Федосюк // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века / под редакцией Д. Шумской, К. Озга. — Краков : Издательство Ягеллонского университета, 2015. — Выпуск 2. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. — С. 49—58.

9. Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология / Р. М. Фрумкина // Актуальные проблемы современной лингвистики : учебное пособие / составитель Л. Н. Чурилина. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — С. 41—45.

10. Хомутова Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике / Т. Н. Хомутова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Выпуск 37. — С. 142—151.

11. Al Saeed N. The language of Egyptian interrogations : a study of suspects' resistance to implicatures and presuppositions in prosecution questions / N. Al Saeed // Legal Pragmatics / ed. by D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2018. — Pp. 157—179.

12. Bloor M., Bloor Th. The Practice of Critical Discourse Analysis : an Introduction / M. Bloor, Th. Bloor. — London : Hodder Arnold, 2007. — 207 p.

13. Fairclough N. Analysing discourse. Textual analysis for social research / N. Fairclough. — London, NY : Routledge, 2004. — 271 p.

14. Gage N. L. The paradigm wars and their aftermath. A 'historical' sketch of research on teaching since 1989 / N. L. Gage // Educational Researcher. — 1989. — Vol. 18. — Issue 7. — Pp. 4—10.

15. Howe K. R. Against the quantitative-qualitative incompatibility thesis or Dogmas die hard / K. R. Howe // Educational Researcher. — 1988. — Vol. 17. — Issue 8. — Pp. 10—16.

16. Howe K. R. Closing methodological divides. Toward democratic educational research / K. R. Howe. — NY : Kluwer Academic Publishers, 2003. — 165 p.

17. Janda L. A. Linguistic profiles : a quantitative approach to theoretical questions / L. A. Janda // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века / под редакцией Д. Шумской, К. Озга. — Краков : Издательство Ягеллонского университета, 2016. — Выпуск 3. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. — С. 127—145.

18. Johnson A. Negative questioning in 18th century child rape trials / A. Johnson // Legal Pragmatics / ed. by D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2018. — Pp. 41—64.

19. Kiklewicz A. Парадигмы языкознания как типы профилирования знаков / A. Kiklewicz // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века / под редакцией Д. Шумской, К. Озга. — Краков : Издательство Ягеллонского университета, 2012. Выпуск 1. — С. 119—133.

20. Kravchenko A. "Linguistic analysis" as a misnomer, or, Why linguistics is in a state of permanent crisis / A. Kravchenko // под редакцией Д. Шумской, К. Озга. — Краков : Издательство Ягеллонского университета, 2015. — Выпуск 2. Лингвистический анализ на грани методологического срыва. — С. 25—35.

21. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions / T. S. Kuhn. — Chicago : The University of Chicago Press, 1970. — 210 p.

22. Riazi A. M. The Routledge Encyclopedia of Research Methods in Applied Linguistics. Quantitative, qualitative, and mixed methods / A. M. Riazi. — London, NY : Routledge, 2016. — 384 p.

23. *The Routledge Linguistics Encyclopedia*. Third edition / ed. by Kirsten Malmkjær. — London, NY : Routledge, 2010. — 724 p.

24. *Thomas Kuhn* : the man who changed the way the world looked at science // *The Guardian*. — 19 August 2012. — Access mode : <https://www.theguardian.com/science/2012/aug/19/thomas-kuhn-structure-scientific-revolutions>.

PARADIGMS IN MODERN RUSSIAN AND FOREIGN LINGUISTICS: NATURE, DYNAMICS, AND PHILOSOPHICAL GROUNDS

© **Tatiana V. Dubrovskaya (2019)**, orcid.org/0000-0003-0044-6056, ResearcherID P-5645-2015, Scopus Author ID 55520948200, SPIN 2051-9874, Doctor of Philology, Head of the English Language Department, Penza State University (Penza, Russia), gynergy74@gmail.com.

The author discusses the category of paradigm introduced by Thomas Kuhn, systematizes and summarizes the principal claims advanced by home and foreign scholars, reveals the most common trends in understanding paradigms in modern humanities, specifically in linguistics. It is demonstrated that the category of paradigm remains popular, but it has undergone some transformations. Considering the review, it can be assumed that the strict understanding of paradigms as incompatible model problems and solutions to them is being replaced by more flexible statements about a greater or lesser importance of a given paradigm over a specific period. Scholars admit the possibility to return to old research problems and tackle them at a higher level, focus on building a universal paradigm that would incorporate various directions of studies and views of language. The author characterizes paradigm arguments in Western research methodology as constructed on the basis of different philosophical approaches to knowledge (admitting or rejecting the possibility to learn the objective truth). It is shown that the methodological compromise has resulted in 'compatibility principle', mixed-method research, and a combination of qualitative and quantitative research in humanities, including linguistics.

Key words: paradigm; linguistics; paradigm shift; method; analysis; quantitative; qualitative; positivism; constructivism.

REFERENCES

- Alpatov, V. M. (2015). Chto i kak izuchayet yazykoznaniye. *Voprosy yazykoznaniya*, 3: 7—21. (In Russ.).
- Alpatov, V. M. (2019). Funktsionalnaya lingvistika: novoye i vozvrat k traditsiyam. In: Dubrovskaya, T. V. (ed.) *Sovremennyye napravleniya v lingvistike i prepodavanii yazykov: problema metoda: sbornik nauchnykh statey po materialam III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 t., I. Metody v lingvistike*. Penza: Izd-vo PGU. 5—9. (In Russ.).
- Al Saeed N. (2018). The language of Egyptian interrogations: a study of suspects' resistance to implicatures and presuppositions in prosecution questions. In: Kurzon, D., Kryk-Kastovsky, B. (eds.) *Legal Pragmatics. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins*. 157—179.
- Bloor, M., Bloor, Th. (2007). *The Practice of Critical Discourse Analysis: an Introduction*. London: Hodder Arnold.

- Dubrovskaya, T. V. (2019). «A byl li metod?»: o printsipakh i kategoriyakh sovremennoogo diskurs-analiza. In: Dubrovskaya, T. V. (ed.) *Sovremennyye napravleniya v lingvistike i prepodavanii yazykov: problema metoda: sbornik nauchnykh statey po materialam III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 t., I. Metody v lingvistike*. Penza: Izd-vo PGU. 9—15. (In Russ.).
- Fairclough, N. (2004). *Analysing discourse. Textual analysis for social research*. London, NY: Routledge.
- Fedosyuk, M. Yu. (2015). Kontseptsiya V. fon Gumboldta kak vozmozhnaya osnova lingvistiki XX veka. In: Shumskaya, D., Ozga, K. (eds.) *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka, 2. Lingvisticheskiy analiz na grani metodologicheskogo sryva*. Krakov: Izdatelstvo Yagellonskogo universiteta. 49—58. (In Russ.).
- Frumkina, R. M. (2008). Est' li u sovremennoy lingvistiki svoya epistemologiya. In: Churilina, L. N. (ed.) *Aktualnyye problemy sovremennoy lingvistiki: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta: Nauka. 41—45. (In Russ.).
- Gage, N. L. (1989). The paradigm wars and their aftermath. A 'historical' sketch of research on teaching since 1989. *Educational Researcher*, 18 (7): 4—10.
- Howe, K. R. (1988). Against the quantitative-qualitative incompatibility thesis or Dogmas die hard. *Educational Researcher*, 17 (8): 10—16.
- Howe, K. R. (2003). *Closing methodological divides. Toward democratic educational research*. NY: Kluwer Academic Publishers.
- Janda, L. A. (2016). Linguistic profiles: a quantitative approach to theoretical questions. In: Shumskaya, D., Ozga, K. (eds.) *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka, 3. Lingvisticheskiy analiz na grani metodologicheskogo sryva*. Krakov: Izdatelstvo Yagellonskogo universiteta. 127—145.
- Johnson, A. (2018). Negative questioning in 18th century child rape trials. In: Kurzon, D., Kryk-Kastovsky, B. (eds.) *Legal Pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. 41—64.
- Karaulov, Yu. N. (2006). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
- Khomutova, T. N. (2009). Nauchnyye paradigmy v lingvistike. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 35 (173). *Filologiya. Iskusstvovedeniye*, 37. 142—151. (In Russ.).
- Kiklewicz, A. (2012). Paradigmy yazykoznaniiya kak tipy profilirovaniya znakov. In: Shumskaya, D. (ed.) *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka, 1*. Krakov: Izdatelstvo Yagellonskogo universiteta. 119—133.
- Kravchenko, A. (2015). “Linguistic analysis” as a misnomer, or, Why linguistics is in a state of permanent crisis. In: Shumskaya, D., Ozga, K. (eds.) *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka, 2. Lingvisticheskiy analiz na grani metodologicheskogo sryva*. Krakov: Izdatelstvo Yagellonskogo universiteta. 25—35.
- Kubryakova, E. S. (2008). Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza). In: Churilina, L. N. (ed.) *Aktualnyye problemy sovremennoy lingvistiki: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta: Nauka. 46—59. (In Russ.).
- Kuhn, T. S. (1970). *The structure of scientific revolutions*. Chicago: The University of Chicago Press.

- Kun, T. (2008). *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. In: Churilina, L. N. (ed.) *Aktualnyye problemy sovremennoy lingvistiki: uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta: Nauka. 17—41. (In Russ.).
- Malmkjær, K. (ed.) (2010). *The Routledge Linguistics Encyclopedia*. London, NY: Routledge.
- Riazi, A. M. (2016). *The Routledge Encyclopedia of Research Methods in Applied Linguistics. Quantitative, qualitative, and mixed methods*. London, NY: Routledge.
- Sabitova, Z. K. (2012). *Novyye lingvisticheskiye napravleniya XX—XXI vv.* In: Shumskaya, D. (ed.) *Yazyk i metod. Russkiy yazyk v lingvisticheskikh issledovaniyakh XXI veka, 1*. Krakov: Izdatelstvo Yagellonskogo universiteta. 347—360. (In Russ.).
- Thomas Kuhn: the man who changed the way the world looked at science. (2012). In: *The Guardian*. 19 August. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2012/aug/19/thomas-kuhn-structure-scientific-revolutions>.